

Географические, административные и ментальные границы Сибири

XIX — начало XX в.

Ремнев А. В.

<http://www.zaimka.ru/authors/>

Вопрос о пространстве Сибири на географических, административных и ментальных картах не так прост, как может показаться на первый взгляд. Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами сибирского региона, а образы Сибири приобретали расширенное символическое восприятие. Картографирование и конструирование географического, административного, экономического и ментального пространства Сибири составляло основу имперской *географии власти* [1]. В ходе исторического развития Российской империи на её огромном и многообразном географическом пространстве сложились большие территориальные общности — *регионы*, заметно выделяющиеся своей индивидуальностью, имевшие существенные отличия в социально-экономическом, социокультурном и этноконфессиональном облике, что закреплялось определённой региональной идентификацией. Под регионом в данном случае автор понимает не политико-административное, а историко-географическое пространство. Аналогом современного понятия «регион» в дореволюционной терминологии можно считать «область» (отсюда название общественно-политического движения «сибирское областничество»). Отдельные регионы в силу их специфики (времени вхождения в состав империи, географических и природно-климатических факторов, удалённости от имперского центра, этнического и конфессионального состава населения, уровня социально-экономического развития, влияния внешнеполитического окружения) представляли разные варианты протекания имперских процессов. Междисциплинарный подход в изучении территориальной организации общества, предполагает взаимодействие исторического (временного) и географического (пространственного) аспектов темы с позиций комплексного исследования временной динамики эволюции и трансформации империи [2].

Одним из таких историко-географических регионов является Сибирь. Важнейшей особенностью функционирования региональной власти в Сибири XIX — начала XX вв. было отсутствие чёткой грани между внешней и внутренней политикой, незавершённость процесса оформления государственных границ, подвижность внутренних административных границ. «Граница — это не только линия на географической карте, — отмечает философ С. А. Королёв. — Это с одной стороны, не просто край рубеж некоего географического пространства, территории, а некий край пространства власти, т. е. территории, стратифицированной при помощи властных технологий, а с другой — это зона соприкосновения, пресечения, наложения различных, часто разнотипных, пространств и столкновения различных структур власти» [3]. Границы в условиях Сибири носили специфические фронтирные черты подвижной зоны закрепления и освоения. Долгое время (как в случае между Российской и Китайской империями, например) межимперская территория имела характер буферной полудикой территории, населённой редким кочевым населением. «Азиатская граница», как особый тип границы, представляла собой, с точки

зрения европейского наблюдателя, аморфную «геополитическую чересполосицу», большую барьерную территорию между империями, на которой продолжали существовать осколочные местные властные структуры [4]. Интерпретация региона постепенно усложнялась с расширением, как внешних имперских границ, так и нарастанием внутренних политических и управленческих задач, управленческой специализацией и дифференциацией. Разреженность военных и административных центров при слабой заселённости русскими создавала опасную геополитическую ситуацию, усиливало значение физико-географических преград, которые должны были восполнить военные и управленческие лакуны на границе. Империя была обречена обращать на окраины больше внимания, нежели на центр, потому что именно на периферии лежали её основные заботы о безопасности (внутренней и внешней), именно там конкурируя, империя соприкасается с себе подобными.

Но всякая административная, а тем более государственная граница, будучи однажды проведена, имеет тенденцию сохраняться, увековечиваться. «Таким образом, – отмечает Ф. Бродель, – история тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению» [5]. Для Сибири это тем более применимо, где экономические районы и даже её физико-географическое пространство формировались под сильным воздействием административного деления. Как отмечают исследователи: «До начала XX в. понятие «Восточная Сибирь» употреблялось не столько в смысле географическом, сколько административном. Оно было тождественно понятию Восточно-Сибирское генерал-губернаторство» [6]. Писатель и путешественник Д. И. Стахеев в 1867 г. преднамеренно вынес в заглавие своей книги названия «Россия», «Сибирь» и «Амур». Конечно, объяснял он, Сибирь и Амур это нераздельные части России, но она «слишком велика, чтобы не иметь частных, так сказать, неофициальных названий» [7]. С созданием Приамурского генерал-губернаторства произошло не только географическое отделение Дальнего Востока России от Сибири, но ускорились процессы внутренней административной и экономической консолидации региона, имевшей преимущественно морскую ориентацию, начался процесс формирования отличной от сибирской дальневосточной идентичности («амурцы», «дальневосточники»). Это была тоже Россия, но какая-то «иная». Писатель М. Г. Гребенщиков так описывал свои впечатления увиденного: «Всё не так идёт: почта ходит иначе, чем везде; закон иначе понимается, зима иная, иные люди. И долго коренному жителю Петербурга или Москвы приходится привыкать к этому иному уголку России. А посмотришь, как будто и похоже на родину: матросики совершенно такие же, как в Кронштадте или около Николы Морского, барышни «тигрёнка» и «помнишь тот вальс» распевают; у губернаторского дома традиционная будка, в присутственных местах зелёное сукно на столах; те же семейные дразги и обще-русская провинциальная сплетня. Как будто всё и так, да в сущности-то всё иное» [8].

Административно-территориальное устройство за Уралом долгое время по преимуществу преследовало политические и «военно-мобилизационные» цели, отодвигая на второй план потребности экономики. В организации государственного пространства противоречия между административным делением и стихийно формируемыми экономическими районами вполне естественны. В этой части задача государственной власти заключается в том, чтобы правильно уловить границы формирующихся экономических районов и совместить с ними, по возможности, административные границы [9]. При высокой степени вмешательства государства в хозяйственную жизнь российская экономика в XIX в. постоянно ощущала сдавливающее воздействие административно-территориальных рамок. При общей справедливости такой оценки следует заметить, что уже в конце XVIII-начале XIX в. приходит понимание порочности

искусственного административного деления, исходящего лишь из размеров территории или численности населения. Очутившись в сибирской ссылке, А. Н. Радищев задумывался о поиске естественных границ административных образований. «Тогда бы, – писал он из Тобольска в 1791 г. графу А. Р. Воронцову, – из двух губерний вышла иногда одна, и из одной пять или шесть. Но к сочинению таковой карты не исправниково искусство нужно, но головы и глаза Палласа, Георги, Лепехина, да без очков, и внимания не на одни цветки и травы» [10]. Административно-территориальное деление, установленное реформой 1822 г., уже к середине XIX в. плохо удовлетворяло новым военно-политическим и экономическим реалиям, вызывало массу нареканий, как в центре, так и на местах. В. П. Семёнов-Тян-Шанский отмечал, что границы губерний и областей Российской империи возникли во многом случайно, «путём канцелярских усмотрений», и поэтому «ниже всякой критики с географической точки зрения» [11]. Положение усугублялось разраставшимся и всё усложнявшимся специальным (экстерриториальным) административным делением Сибири, зачастую не совпадавшим с общими административными границами и центрами.

Вопрос о новых административных границах Сибири выходил далеко за рамки притязаний Иркутска или Омска на управление теми или иными территориями. Он был связан в целом с системой регионального управления: в ходе его обсуждения столкнулись разные взгляды по поводу организации административного пространства, степени власти местной администрации, её отношений с центром, степени реформированности административных и судебных органов региона, развития коммуникаций и т. д. Б. А. Милютин писал в 1876 г., что это придаёт данному вопросу «значение до того широкое, что ставит его в число существенных для края» [12]. Значительно значение для Сибири имела комбинация территорий в «большой административной группе» – генерал-губернаторстве, что не только повторяло природный ландшафт, но и формировало региональную географию. Пересмотр административных границ в Азиатской России неизбежно возбуждал вопрос о сохранении в Сибири генерал-губернаторской власти. Необходимо было уяснить степень интегрированности различных районов Сибири в общероссийскую административную и социально-экономическую структуру, выявить пределы возможности введения за Уралом общих для всего государства правовых норм. Фактор отдалённости, отмечал М. И. Венюков, не должен иметь самодовлеющего значения, и там, где отдалённость неравносильна отдельности, сохранение особого порядка управления в виде центральных местных учреждений ведёт лишь к искусственному обособлению края. Затруднённость же коммуникаций, по его мнению, уже утратила своё значение и может требовать лишь некоторого расширения прав местной администрации. Пограничное положение тоже не должно иметь самодовлеющего значения, если, правда, край не граничит с «полуварварскими странами», отношение с которыми требует помимо обычных дипломатических отношений постоянного вооружённого противодействия. Но сильной и самостоятельной местной власти, доказывал М. И. Венюков, требуется фактор национальный. Это связано прежде всего с тем, что на местную администрацию возлагается важная задача по слиянию коренных народов «с господствующей народностью». Там же, где «господствующая народность» уже численно преобладает, утверждал он, генерал-губернаторской власти не требуется, так как она создаёт дополнительные политические трудности. С экономической же точки зрения, административная обособленность с сильной местной властью скорее вредит делу, чем ему способствует [13].

Для интеграции периферийных регионов в состав Российской империи чрезвычайно важным был процесс формирования внешних и внутренних границ, «оцентрирования» новой территории, создание локальных эпицентров имперского влияния. Их появление и миграция отражали изменение в направленности региональных процессов, а также

перемены в административных, военно-колониционных, хозяйственных и геополитических приоритетах. Изменение внешнеполитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Средней Азии, усложнение управленческих задач, поставили на повестку дня проблему смены управленческих центров. Тобольск, бывший столицей Сибири в XVIII в. постепенно уступил административное первенство Иркутску. Однако последний постепенно также утрачивает свою административную гегемонию в Сибири и превращается в обычный русский губернский город. «Никакой столицей ему быть не следует: столица Сибири – Петербург», – замечал один из современников. Новыми центрами азиатской политики империи стали Омск и Владивосток. Эти административные меры свидетельствовали о смещении политических интересов самодержавия с севера на юг, как в Западной Сибири (перенос в 1839 г. центра генерал-губернаторства из Тобольска в Омск, на границу Степного края), так и в Восточной Сибири (из Иркутска на Амур) [14]. Поиск управленческого центра на Дальнем Востоке, начавшийся при Муравьёве-Амурском, растянулся почти на четверть века, когда из Охотска перевели администрацию в Аян, затем в Петропавловск, а оттуда в 1856 г. в Николаевск, который через 16 лет был «брошен» ради Владивостока. В 1884 г. административным центром на Дальнем Востоке стал Хабаровск, а Владивосток сохранил конкурирующее значение главного военно-морского и торгового порта региона. Однако на рубеже XIX-XX в. Хабаровск и Владивосток намеревались оставить уже ради Порт-Артура.

Империя, включая в свой состав ту или иную территорию на востоке, начинала, прежде всего, его властное освоение, интеграцию в имперское политико-административное пространство, последовательно используя окраины как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения (Охотско-Камчатский край – для Северной Америки; Забайкалье – для Приамурья; Приамурский край – для Маньчжурии; Западная Сибирь и Оренбургский край – для Казахстана и Средней Азии). Присоединение амурских и уссурийских земель повлекло за собой смещение оси освоения дальневосточных территорий с линии Иркутск – Якутск – Охотск – Петропавловск, южнее на линию Иркутск – Чита – Благовещенск – Николаевск – Хабаровск, а затем – Владивосток, что не могло не повлечь за собой серьёзных изменений в территориальной организации региона. Омск, Иркутск, Хабаровск, Владивосток, где местная администрация была ответственна не только за внутреннее управление, но и в известной мере за имперскую политику в отношении сопредельных стран, стали своего рода геополитическими «окнами» в Азию. В этом смысле можно говорить о большом сибирском фронтире [15], о пограничных пространствах, которые очерчивал в Азиатской России ещё в 70-е гг. XIX в. М. И. Венюков [16].

С вхождением в состав Русского государства зауральских территорий и до 80-х годов XIX века географическое пространство Сибири постепенно расширялось к востоку и югу: «Сибирью называется весь северный отдел Азиатского материка, который обозначается на Западе продольною цепью Уральских гор, на Востоке Тихим океаном, с Севера омывается Ледовитым морем, а к югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана» [17]. Именно в этих территориальных рамках и призван был действовать в середине XIX в. II Сибирский комитет, по заданию которого Ю. А. Гагемейстер и подготовил «Статистическое обозрение Сибири». К концу XIX века авторитетный «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона уточнял пространство Сибири: «Под именем Сибири в обширном смысле этого слова понимаются все азиатские владения России, за исключением Закавказья, Закаспийской области и Туркестана» [18]. При этом прибавлялось, что с присоединением Приамурского и Уссурийского краёв пределы Сибири значительно расширились. Однако такое расширительное и не всегда последовательное толкование границ Сибири, когда смешивались физико-географические и политические критерии, стали вызывать определённые сомнения. Писатель

и путешественник А. Я. Максимов в 1884 г. на вопрос о границах Сибири с известной долей иронии отвечал, что «Географическое общество, ведающее антропологические и этнографические задачи, ещё не занималось решением вопроса о том, где начинается западная граница Сибири. А где кончается восточная или южная граница, на это не сумеет дать ответа даже и специальный Азиатский департамент Министерства иностранных дел» [19].

Не случайно, начиная в 1918 году курс лекций по истории и географии Сибири на только что открытом во Владивостоке историко-филологическом факультете, известный востоковед профессор Н. В. Кюнер предлагал прежде условиться, что следует понимать под именем «Сибирь»: «Это имя ныне прилагается к стране обладающей громадным и не установленным в точности и различно понимаемом пространством в зависимости от того, с какой точки зрения мы будем рассматривать территориальный объём страны, *о Сибири можно мыслить различно* (курсив мой. – А. Р.)» [20]. Важно отметить, специально подчёркивал он, как исторически рос с движением русских на восток «территориальный объём имени» Сибирь. При этом он настаивал на расширительном понимании Сибири, включая в неё не только Дальний Восток, но и Степной край. «Словом, – заключал Кюнер, – физико-географическое представление о Сибири даёт ей значительно более узкий территориальный объём, нежели историческое и, если принять это более тесное понятие, то и рамки нашего курса сами собою должны были бы сократиться. Однако, ограничение содержания настоящего курса изучением Сибири в собственном смысле, как географического понятия, породило бы большие трудности в деле правильной оценки исторического прошлого этой страны, в частности и в русский период истории Сибири» [21]. Н. Н. Серебренников также призывал отличать Сибирь географическую от Сибири административной, имея в виду то, что, например, некоторые уезды Пермской и Оренбургской губерний находятся на азиатской стороне Урала. Сам же он к Сибири относил не только Дальний Восток, но Акмолинскую и Семипалатинскую области [22].

Важно отметить и другое – в течение XIX века «Сибирь» постепенно исчезает с административной карты России. Если в начале XIX века Сибирь составляло единое генерал-губернаторство, то в результате реформ М. М. Сперанского (1822 г.) оно разделено на два – Западно- и Восточно-Сибирское. Однако административная целостность Сибири ещё долго сознавалась в центре и на местах, что закреплялось наличием единого «Сибирского учреждения», юридически закрепившего административную специфику сибирского региона. Впрочем, оппоненты М. М. Сперанского уже во второй четверти XIX в. указывали на ошибочность образования в Сибири двух генерал-губернаторств, что подрывало единство сибирского управления. Но восторжествовала другая тенденция, направленная на дальнейшее административное дробление Сибири. После посещения Н. Н. Муравьевым в 1849 г. Охотска и Камчатки последовало образование в 1851 г. Камчатской области; в 1851 г. была создана Забайкальская область; в 1856 г. вместо Камчатской области учреждена Приморская область, а в 1858 г. образована Амурская область. Омск с 1823 по 1838 г. стал центром Омской области с плохо прочерченными и фактически открытыми и подвижными как административными, так и государственными границами. С 1854 г. в Омске продолжала оставаться областная администрация области Сибирских киргизов, а затем в 1868 г. в Омске сосредоточились областные учреждения Акмолинской области. Это привело к увеличению объёма Западно-Сибирского генерал-губернаторства за счёт присоединения степных областей (Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской). В 1882 г. было упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство, но Омск стал центром нового Степного генерал-губернаторства. В 1884 г. с образованием Приамурского генерал-губернаторства от Сибири отделился Дальний Восток, породив затянувшийся спор

о границах между ними, а в 1887 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство было переименовано в Иркутское. Параллельно шёл процесс институциональной унификации управления. Как и в Европейской России, в Сибири земские суды были наименованы полицейскими управлениями, а с 1898 г. округа, введённые Сперанским, в Сибири стали называться уездами, чтобы устранить «наружные признаки такой обособленности», которые сохраняются в терминологии [23]. Разрасталось и усложнялось специальное (экстерриториальное) деление Сибири, зачастую не совпадавшее с общими административными границами и центрами, что было вызвано специализацией и дифференциацией системы управления и свидетельствовало о её унификации и усилении ведомственного влияния имперского центра. Известный русский правовед Н. М. Коркунов утверждал в начале XX века, что «самое слово Сибирь не имеет уже более значения определенного административного термина» [24].

Исторически менялась и внутренняя структура геополитического и этнодемографического пространства Сибири. Наиболее авторитетный из дореволюционных географов рубежа XIX–XX вв. П. П. Семёнов Тянь-Шанский делил Сибирь на пять географических областей [25]. При этом Западную и Восточную Сибирь он именовал «коренной» Сибирью, к которой примыкали «Якутская окраина», «Амурско-Приморская окраина» (в составе Забайкальской, Амурской, Приморской областей и острова Сахалин) и «Киргизско-степная окраина» (из Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей). Д. И. Менделеев в свою очередь группировал сибирские следующим образом: «Южно-Сибирский или Киргизский край» (Уральская, Тургайская, Семиреченская, Семипалатинская и Акмолинская области), «Западно-Сибирский край» (Тобольская, Томская и Енисейская губернии) и «Восточно-Сибирский край» (Иркутская губерния, области Забайкальская, Якутская, Амурская, Приморская и остров Сахалин) [26]. В «Сибирском торгово-промышленном календаре» на 1911 год помимо Сибири (в которую включены дальневосточные территории) описываются Степные окраины и Средне-Азиатские владения. Таким образом, Азиатская Россия получает новую географическую конфигурацию, в которой у Сибири как внутренней периферии империи появляются свои окраины.

Вместе с тем, у Д. И. Менделеева, сибиряка по происхождению, на что он специально указал, вызывало беспокойство то, что на карте Россия выглядит преимущественно азиатской. «Россия, по моему крайнему разумению, – писал Менделеев в 1906 г., – назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравнивания между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженной, но всё же твёрдой государственно-социальной сплоченностью» [27]. При этом старался найти такой способ картографического изображения России, где бы выступало первенствующее значение Европейской России.

Расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией, административным и экономическим закреплением новых территорий и народов в империи — это ещё и сложный *социокультурный процесс превращения Сибири в Россию*. В российской колонизационной модели строительство империи считалось тождественным процессу поглощения Россией восточных окраин. Россия как бы росла за счёт новых земель, русское государственное ядро постепенно поглощало имперские окраины. Именно русские переселенцы должны были духовно скрепить империю, являясь «живыми и убеждёнными проводниками общей веры в целостность и неделимость нашего отечества от невских берегов до памирских вершин, непроходимых хребтов Тянь-Шаня, пограничных извилин Амура и далекого побережья Тихого океана, где всё, – в Азии, как и в Европе, одна наша русская земля, – одно великое и неотъемлемое достояние нашего

народа» [28]. В этом виделось кардинальное отличие Российской империи от колониальных империй Запада. М. К. Любавский в «Обзоре истории русской колонизации» определял прочность вхождения той или иной территории в состав Российского государства в соответствии с успехами русской колонизации, и, прежде, всего крестьянской [29]. Деление на Европейскую и Азиатскую Россию Д. И. Менделеев считал искусственным уже в силу единства русского народа (великороссы, малороссы и белорусы). Территориально-протяженные империи, к которым относилась и Российская империя, не имели чётких внутренних границ имперского пространства, что создавало благоприятные условия для расширения русских этнических границ, реализации на окраинах проекта «большой русской нации» [30]. Российский имперский проект, предусматривая постепенное поглощение имперским ядром (прежде всего за счёт крестьянской колонизации и развития коммуникаций) Сибири [31]. Это был сложный и длительный процесс превращения сибирских и дальневосточных территорий в Россию, процесс, в котором сочетались тенденции *империостроительства и нациостроительства*. Этот двуединый (хотя и внутренне противоречивый) процесс должен был придать империи большую стабильность и обеспечить национальную перспективу.

Ф. Ф. Вигель, проехавший через Сибирь в 1805 г. в составе посольства графа Ю. А. Головкина в Китай, писал, что в будущем Сибирь будет полезна России как огромный запас земли для быстро растущего русского населения, и по мере заселения Сибирь будет укорачиваться, а Россия расти [32]. Н. И. Надеждин заметил, как к «основному ядру» империи, где «география имеет чисто Русскую физиономию», где расположена «коренная Русская земля», присоединяются в Азии и Северной Америке новые земли. Это, по его словам, наш Новый Свет, который «деды наши открыли и стали колонизовать почти в то в то же время, как прочие Европейцы нашли новый путь к Азиатскому югу и открыли восток Америки» [33]. Историк Сибири и известный сибирский просветитель П. А. Словцов (1767–1843) рассматривал Сибирь как часть России, передвинувшейся за Урал [34]. Н. Я. Данилевский также утверждал, что направлявшиеся из центра страны колонизационные потоки, как правило, «образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг её» [35]. Русскую колонизацию, таким образом, можно представить, растянутым по времени, поэтапным «расселением русского племени», что не создавало колоний западноевропейского типа, а лишь расширяло целостный континентальный массив государственной территории. Поэтому различия между центром и колонизируемыми окраинами виделись ему лишь временным экономическим отставанием, обусловленным временем заселения и культурного освоения. Отстаивая идею целостности государственного пространства, Н. Я. Данилевский, а вслед ему и Г. В. Вернадский [36], были склонны, скорее преуменьшать эти различия, чем их преувеличивать.

В крестьянском движении на восток была заложена своего рода геополитическая сверхзадача. П. П. Семёнов-Тян-Шанский писал об изменении в результате русской колонизации этнографической границы между Европой и Азией путём её смещения всё дальше на восток [37]. Министр финансов С. Ю. Витте докладывал Николаю II о необозримых перспективах, которые открывает строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, которая откроет новые перспективы для колонизации. «Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу, от народов Азии, – рисовал Витте геополитические перспективы, – давно уже перенесён за Байкал – в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги» [38].

Успешность интеграционных процессов на востоке империи военный министр А. Н. Куропаткин призывал оценивать с точки зрения заселения «русским племенем»,

разделив территорию восточнее Волги на четыре района: 1) восемь губерний восточной и юго-восточной части Европейской России; 2) Тобольская, Томская и Енисейская губернии; 3) остальная часть Сибири и российский Дальний Восток; 4) Степной край и Туркестан. Если первые два района, по его мнению, могут быть признаны «краем великорусским и православным», то в третьем районе, который тоже уже стал русским, этот процесс ещё не завершился, и представляет серьёзные опасения относительно Амурской и Приморской областей в виду усиливающейся миграции китайцев и корейцев. Ещё более опасной ему видится ситуация в четвёртом районе. Поэтому, заключал Куропаткин, «русскому племени» предстоит в XX столетии огромная работа по заселению Сибири (особенной восточных её местностей) и по увеличению в возможно большей степени русского населения в степных и среднеазиатских владениях [39]. П. А. Столыпин в рамках концепции «единой и неделимой России» призывал крепче стянуть рельсами «державное могущество великой России» [40]. «Министр Азиатской России», главноуправляющий ГУЗ и З А. В. Кривошеин целенаправленно стремился превратить Сибирь «из придатка исторической России в органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре Великой России» [41]. В интервью французской газете «Figaro» (4 февраля 1911 г.) он разъяснял: «Хотя крестьянин, переселяясь, ищет своей личной выгоды, он, несомненно, в то же время работает в пользу общих интересов империи» [42]. В связи с поездкой в Сибирь в 1910 г. П. А. Столыпина бывший чиновник Комитета Сибирской железной дороги И. И. Тхоржевский заметил: «По обе стороны Урала тянулась, конечно, одна и та же Россия, только в разные периоды её заселения, как бы в разные геологические эпохи. Впрочем, Западная Сибирь уже заметно сближалась с востоком Европейской России» [43].

За всеми этими переменами прочитывался глобальный геополитический смысл. Геополитические представления, выраставшие из славянофильских и панславистских идей, зримо присутствуют в антропогеографической теории В. И. Ламанского, изложенной им в 1892 г. в книге «Три мира Азийско-Европейского материка». В рамках предложенной им типологии, Ламанский отделяет особый Срединный мир (по большей части совпадающий с политическими границами Российской империи) от мира Европейского и Азиатского и относит его к особому историко-культурному типу, в котором господствует и преобладает русский народ, русский язык и русская государственность. В Азиатской России, в отличие от азиатских колониальных владений европейских государств, собственно азиатов немного, русское же население переезжает туда не как европейцы на время, а навсегда, и она способна в будущем принять ещё много миллионов русских. «В этом смысле и теперь можно говорить об азиатской России, — намечал Ламанский перспективы формирования нового видения российского государственного пространства, — но ещё нельзя, и едва ли когда будет возможно, говорить об азиатской Англии, Франции, Голландии, Испании и Португалии. Для этих национальностей их Азия не может быть и никогда не будет родиной и отечеством, а навсегда останется лишь страной эксплуатации, выгодных рынков, практической школой административных и государственных талантов, более или менее благодарным поприщем и приманкою для их миссионеров и учёных» [44].

При обсуждении в Государственном совете в 1908 г. вопроса об Амурской железной дороге П. П. Семёнов-Тян-Шанский вспомнил о своем коллеге по Берлинскому университету знаменитом географе и востоковеде, одном из основателей германской геополитики Ф. фон Рихтгофене, и принялся развивать его идеи с «русской точки зрения»: «Что же я разумею под именем Европейской Азии? Этнографическая граница между Европой и Азией была в то время совершенно другая, чем ныне. Если провести диагональ через Россию от Перми до Кишинева, то всё, что находится на юго-восток от этой линии, было Азией. <...> Значит, первая задача России заключается в том, чтобы очистить всё

это пространство от азиатов, и начать затем её колонизацию. Она началась после взятия Казани в 1552 г. ...». Затем Россия дошла до Амура и Тихого океана и русские переселенцы, уходя на восток, продолжали оставаться в России. «Особенность этой русской колонизации, – подчеркнул он ещё раз, – по справедливому объяснению барона Рихтгофена, состоит в том, что русские колонии расположены в одной окружной меже» [45].

Основным отличием России от других мировых держав считалось то, что она представляет собой цельный монолит. В. П. Семёнов Тянь-Шанский, развивая идеи своего отца, также призывал перестать делить Россию на Европейскую и Азиатскую. Он выделял при этом в империи особую «культурно-экономическую единицу» – Русскую Евразию (пространство между Волгой и Енисеем и от Северного Ледовитого океана до южных границ империи), которую нужно перестать считать окраиной и говорить о ней, как о «коренной и равноправной во всём русской земле». Она может и должна быть построена по тому же культурно-экономическому типу, как и Европейская Россия и стать столь же прочной политической и экономической основой Российской империи. Это позволит укрепить систему «от моря и до моря» и сдвинет культурно-экономический центр государства ближе к его истинному географическому центру. Именно здесь будут находиться культурно-экономические колонизационные базы, откуда будет поддерживаться прочность государственной территории. Карту Российской империи он предлагал делить на две приблизительно равные части: от западных границ Польши до Енисея (на которой и располагается русское историческое колонизационное ядро — Центральная Россия, южное Приуралье и Западная Сибирь с Алтаем) и восточную (Прибайкалье, Приамурье), являющуюся тем самым «острие меча», которое имеет наибольшее колонизационное значение. Исходя из этого, он предлагал и новое административное устройство: штаты (русский аналог — «земские области») и территории. Если первые могли, имея значительную плотность населения, способны к самостоятельности и самоуправлению, то вторые, в силу своей обширности и пустынности должны остаться на полном попечении центрального правительства. При этом В. П. Семёнов Тянь-Шанский не намеревался выходить за пределы административной и хозяйственной децентрализации и полагал губительным для могущества России федеративное устройство.

Эти идеи были подхвачены и развиты уже после революции в эмиграции евразийцами, которые предпочитали говорить о едином географическом мире, где нет Европейской и Азиатской России, а есть части её, лежащие к западу и востоку от Урала [46]. В. Н. Иванов писал в 1926 г. в Харбине, что «географический рубеж Сибири и её рубеж государственно-исторический никак не совпадают». Сибирь представлялась ему естественным восточным продолжением Московского царства. Он относит к единому «сибирскому культурному типу» не только Восточную Сибирь с Забайкальем, но и губернии Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Пермскую, Казанскую, Уфимскую, области Уральского и Оренбургского казачьих войск, а также все губернии, лежащие между Волгой и Уральским хребтом и севернее степных пространств низовий Волги. «В этих «сибирских» губерниях и областях, – пишет Иванов, – мы находим известное бытовое культурное единство, они охраняют наш подлинный великорусский, чистый бытовой уклад». Именно здесь находится подлинная «Новая Россия» [47].

Таким образом, Сибирь включалась в более широкий дискурс «Европа – Россия – Азия», составляющей частью которого и было новое прочтение проблемы деления России на европейскую и азиатскую части. Деление, которое было вызвано ещё петровской вестернизацией, стремлением иметь в провозглашённой империи свою европейскую метрополию и свою азиатскую периферию [48].

Регион – это не только историко-географическая или политико-административная реальность, но и *ментальная конструкция*, с трудно определяемыми и динамичными границами. Ментальное картографирование есть продукт представлений и воображений пространства, сложного семиотического конструирования пространства. И в этом смысле регионы воображаются по схожим механизмам, как и нации, согласно теории Б. Андерсона [49]. В этой связи важен процесс генезиса нового ментально-географического пространственного образа, выделения его в особый предмет общественного геополитического сознания и сегментирования в правительственной политике. Образование нового региона сопровождалось встраиванием его в иерархию политически референтных имперских вопросов (польский, кавказский, финляндский, остзейский, сибирский, дальневосточный и т. п.).

На определение управленческих задач влияли не только политические и экономические установки, исходившие из центра империи, но и *«географическое видение» региона*, его политическая и социокультурная символика и мифология, трансформация регионального образа в правительственном и общественном сознании. Географические образы могут рассматриваться «как культурные артефакты и как таковые они непреднамеренно выдают предрасположения и предрассудки, страхи и надежды их авторов. Другими словами, изучение того, как общество осознает, обдумывает и оценивает незнакомое место, является плодотворным путём исследования того, как общество или его части осознают, осмысливают и оценивают самих себя» [50]. Территория власти нуждается в своих маркерах, включающие идеологически и политически окрашенные топонимы, знаковых фигурах исторических региональных деятелей. Параллельно с имперским административным строительством шёл процесс вербального присвоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах, формирования новых региональных идентичностей.

В составе России Сибирь имела как бы две ипостаси – отдельность и интегральность [51]. П. Н. Милюков в этой связи замечал: «Последний продукт колониационного усилия России – её первая колония – Сибирь стоит на границе того и другого» [52]. Сибирь манила романтической свободой, своими богатствами и одновременно пугала своей неизведанностью, каторгой и ссылкой. Она представлялась залогом российского могущества, землёй, где, по словам фонвизинского Стародума, можно доставать деньги, «не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечество» [53]. В российских правительственных кругах на Сибирь долгое время смотрели как на случайно доставшуюся колонию, видя в ней «Мексику и Перу наше» или «Ост-Индию». Но помимо образа «золотого дна», к началу XIX века Сибирь уже вошла в литературу и устную мифологию как символ ссылки [54]. Один из русских помещиков даже назвал «Сибирью» пустынное место в Тверской губернии, куда он ссылал для наказания своих крепостных [55]. Переход через Уральские горы вольными и невольными путешественниками окрашивался сильными эмоциями, как вступление не просто в новое неведомое географическое пространство, но и в другую жизнь. Ссылные, пересекая границу между Европой и Азией, Россией и Сибирью, попадали в пугающий их чужой мир, страну изгнания, пребывание в которой сравнивалось с адом [56]. Джордж Кеннан так описывал драматическую сцену прощания невольных переселенцев с родиной у пограничного столба «Европа-Азия»: «Некоторые дают волю безудержному горю, другие утешают плачущих, иные становятся на колени, прижимаясь лицом к родной земле, и берут горсть с собой в изгнание, а есть и такие, что припадают к холодному кирпичному столбу со стороны Европы, будто целуя на прощание всё то, что она символизирует» [57]. Но было в сознании ссылных и светлое ожидание того, что они покидают «ненавистную Россию», с её самодержавным деспотизмом, крепостным рабством и земельной нуждой. Знакомясь с Сибирью ближе, они проникались к ней

тёплыми чувствами, стирая в сознании прежние стереотипы. С крестьянской колонизацией меняется представление о Сибири и у простого россиянина. П. И. Небольсин писал, что в 1840-е годы Сибирь, может быть, несколько утратила в глазах русского крестьянина ореол «края особенно привольного», но зато простой народ переставал дичиться её. Сюда всё чаще шли вольные переселенцы, работники на прииски не потайными тропами, а «с законным паспортом за пазухой» [58]. Сибирь переставала быть всероссийским пугалом. На протяжении XIX века, хотя и медленно, шёл процесс постепенного крушения стереотипа Сибири как «царства холода и мрака». Привлекательный образ Сибири и её жителей вставал со страниц сочинений сибирских писателей, русских и иностранных путешественников, из частной корреспонденции [59].

Серьёзное воздействие на восприятие Сибири оказали теоретические представления, американский синдром, посеявший в головах российских политиков и интеллектуалов убеждение о том, что все колонии в будущем отделятся от метрополии. Об этом же твердила и европейская колониальная наука. П. Леруа-Болье заявлял: «Метрополии должны привыкнуть <...> к мысли, что некогда колонии достигнут зрелости и что тогда они начнут требовать всё большей и большей, а, наконец, и абсолютной независимости» [60]. «Дух журналов» в рецензии на книгу знаменитого русского статистика К. И. Арсеньева «Начертания статистики Российского государства» в 1819 г. ужасался, что Сибирь именовалась колонией России [61]. Опыт англичан в Северной Америке и Индии, а также собственный опыт в Закавказье заставляли самодержавие с большой осторожностью относиться к колониальному вопросу.

В 1852 году Николай I лично взялся рассуждать о статусе Сибири, сравнивая её с Кавказом и Закавказьем. Западная Сибирь, утверждалось в проекте плана работ II Сибирского комитета, «по соседству с внутренними губерниями России, по системе её сообщений и по её населению ближе может быть сравниваема с губерниями России, чем Сибирь Восточная, на которую, по её отдаленности и естественному положению, может быть, следовало смотреть как на колонию» [62]. Соглашаясь в целом с подобной установкой, Николай I внёс в неё важные коррективы, признав возможным сохранить в Восточной Сибири особое управление, которое не может быть «изъято из зависимости высших правительственных установлений империи, и, следовательно, не может и не должно быть поставлено в те отношения, в каких обыкновенно находятся колониальные управления к метрополии» [63]. Закавказье отделено от России горами и населено «племенами ещё враждебными и непокоренными», тогда как Восточная Сибирь лишь отдалена от «внутренних частей государства» и населена «народом, большею частью русским». В 1865 г., когда встал вопрос об упразднении II Сибирского комитета, министр народного просвещения А. В. Головнин отмечал, что, в отличие от Польши и Финляндии, Сибирь, Кавказ, Крым и Остзейские губернии являются составными частями Российской империи [64]. В этом же духе рассуждал в Государственном совете в 1882 г. барон Н. А. Николаи, разделяя Российскую империю на две органических части: «коренного русского государства, сердцевины империи, её ядра, обнимающего то большинство населения, которое принадлежит к русско-славянскому племени, и из разнородных, одновременно присоединенных инородческих иноплеменных окраин: Царство Польское, Прибалтийский край, Финляндия, в большей мере Сибирь, Туркестанский край, Кавказ и Закавказский край» [65]. Самодержавие понимало, что открытое признание колониального характера сибирской политики может охладить чувства, как русских жителей, так и представителей коренных народов к метрополии.

Изменения на административной карте Сибири означали и изменения в её статусе в составе империи. Согласно определению Ф. Броделя, «мир-империя» подразумевает наличие «центра» и «периферии». Внутреннее пространство «мир-империи» имеет свою

иерархию, что подразумевает наличие различных видов неравенства периферийных регионов по отношению к центру. Так, современный культуролог Н. В. Сверкунова определяет место Сибири в Российском государстве как «провинция третьей ступени» [66]. Применительно к Западной Сибири, которая с 1882 г. была выведена из под генерал-губернаторского управления, можно говорить, что она превратилась в своего рода «внутреннюю окраину», обладая более высоким статусом интегрированности в имперское пространство, в отличие от Восточной Сибири, Дальнего Востока и Степного края, где сохранялась в значительной степени автономная генерал-губернаторская власть [67]. В 1908 г. поползли слухи о возрождении наместничества, в состав которого, помимо дальневосточных областей, войдут и губернии Восточной Сибири [68]. В своём проекте децентрализации России П. А. Столыпин предусматривал разделение России на 11 областей, в их числе называлась и Степная область (в которую бы входила Западная Сибирь). Восточная же Сибирь (наряду с Туркестаном и рядом других окраинных территорий) оставалась за пределами этого деления и лишалась возможности участвовать в общегосударственном представительстве. Очевидно, что и к ней относилось замечание о необходимости «перевода некоторых местностей на положение колоний с выделением их из общего строя Империи» [69].

В противовес формируемому сибирскому регионализму, вызывавшему политические подозрения в сепаратизме, понятие «Сибири» замещается понятием «Азиатская Россия», в котором был заложен семантически акцентированный цивилизационный потенциал единства Российской империи. Это породило даже опасение исчезновения Сибири. Не случайно главный идеолог сибирского областничества Н. М. Ядринцев не поддержал в 1870-х годах идею упразднения сибирских генерал-губернаторств, видя в этом угрозу разрушения экономического, политического и культурного единства Сибири. Другой видный областник Г. Н. Потанин не только разделял этот взгляд, но даже высказывал пожелание о расширении генерал-губернаторской власти «до власти наместника». Областников не могла не пугать тенденция административного дробления Сибири. Борясь против всеобъемлющей централизации из Петербурга, в качестве одного из направлений своей деятельности они определяли потребность «централизовать Сибирь, раздвоенную <...> административным делением» [70]. В центре же не могли не сознать опасности длительного существования административного единства большого периферийного региона империи, который мог бы составить управленческую конкуренцию центру.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. **Ремнев А. В.** Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *AbImperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358.
2. **Доленко Д. В.** отмечает важную современную исследовательскую тенденцию «географизации традиционно негеографических наук», когда социально-экономическая и политическая география стремится к целостному изучению территории, включая её образное восприятие. – **Доленко Д. В.** Историко-географические аспекты политико-территориальной организации России // *Вестник исторической географии*. М., 2001. № 2. С. 108.
3. **Королёв С. А.** Российская граница как края пространства: генезис и типология // *Россия и современный мир*. 2002. № 2 (35). С. 5.
4. **Замятин Д. Н.** Моделирование географических образов. Смоленск, 1999. 157–158; он же. Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // *Восток*. 2002. № 1.
5. **Бродель Ф.** Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М., 1994. С. 274.
6. **Единархова Н. Е., Кудрявцев Ф. А.** Восточная Сибирь и сопредельные страны в XIX в. // *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность*. Иркутск, 1996. С. 3.
7. **Стахеев Д. И.** На память многим. Рассказы о жизни в России, Сибири и на Амуре. СПб., 1867. С. III.
8. **Гребенщиков М. Г.** Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. СПб., 1887. С. 135.

9. **Хорев Б. С.** Территориальная организация общества. М., 1981. С. 102–103.
10. **Радищев А. Н.** Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 356.
11. **Семёнов-Тян-Шанский В. П.** О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. Пг., 1915. С. 24.
12. **[Милютин Б. А.]** Новое административное разделение Сибири // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1876. Т. 2. Вып. 1. С. 2.
13. Российский государственный архив ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4272. Л. 11.
14. **Завалишин Д. И.**, пользовавшийся в начале правления Муравьёва его расположением и подававший новому генерал-губернатору полезные советы, свидетельствовал, что у Муравьёва была даже мысль перенести в Читу местопребывание генерал-губернатора и Главного управления Восточной Сибири. — **Д. И. Завалишин** — министру внутренних дел П. А. Валуеву (30 декабря 1861 г., г. Чита) // РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 148. Л. 33.
15. См.: Американский и сибирский фронт. Томск, 1997; **Ламин В. А., Резун Д. Я.** Метаморфозы фронта в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (к постановке проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998.
16. **Ремнев А. В.** У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М. И. Венюкова // Исторические записки. М., 2001. Т. 4 (122). С. 344–369.
17. **Гагемейстер Ю. А.** Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. I. С. 1.
18. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 58. С. 748.
19. **Максимов А. Я.** В немцонной стране. (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1884. № 2. С. 301–302.
20. **Кюннер Н. В.** Лекции по истории и географии Сибири (Курс, читанный на историко-филологическом факультете во Владивостоке в 1918–1919 гг. Составлен на основании записок слушателей под ред. проф. Н. В. Кюннера. Владивосток, 1919. С. 16.
21. Там же. С. 24–25.
22. **Серебrenников Н. Н.** Сибиреведение. Харбин, 1920. С. 21–22.
23. РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1894 г. Д. 13. Л. 1.
24. **Коркунов Н. М.** Русское государственное право. СПб., 1909. Т. II. С. 480.
25. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893.
26. **Менделеев Д. И.** К познанию России. М., 2002. С. 50–53. **В. И. Ламанский** в схеме организации материалов в Русском этнографическом отделе Музея Александра III также выделял три сибирские части, совмещающая историко-географический аспект с административным делением: «Западная Сибирь и степной край», «Восточная Сибирь», «Приамурский и Приморский край». — **Беленький И. Л.** Морфология российского пространства у евразийцев (к проблеме истоков и генезиса теоретических построений) // Россия и современный мир. 2001. № 2 (31). С. 155.
27. **Менделеев Д. И.** К познанию России. М., 2002. С. 181–182.
28. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 199.
29. **Любавский М. К.** Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М., 1996. С. 539.
30. О проекте «большой русской нации» см.: **Миллер А. И.** «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31–41; **Ремнев А. В.** Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 15–28.
31. **Горизонтов Л. Е.** «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 130.
32. Записки **Ф. Ф. Вигеля**. М., 1892. Ч. II. С. 196–197.
33. **Надеждин Н. И.** Опыт исторической географии Русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Ч. II. С. 39.
34. См.: **Мирзоев В. Г.** Историография Сибири. М., 1970. С. 139.
35. **Данилевский Н. Я.** Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 486.
36. **Вернадский Г. В.** Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № 1. С. 57–58.
37. **Семёнов П. П.** Значение России в колонизационном движении европейских народов // Известия РГО. 1892. Т. XXVIII. Вып. IV. С. 354. Например, наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич в 1869 г. писал о том, что с развитием железнодорожного сообщения «быть может, не в далеком будущем Кавказа не станет, а будет лишь продолжение южной России до азиатской её границы».
38. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711. Л. 41.
39. **Куропаткин А. Н.** Русско-китайский вопрос. СПб, 1913. С. 55–75.
40. **Тхоржевский И. И.** Последний Петербург // Нева. 1991. № 9. С. 190.

41. **Кривошеин К. А.** Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 131.
42. Дальневосточное обозрение. 1911. Вып. I. С. 82.
43. **Тхоржевский И. И.** Последний Петербург // Нева. 1991. № 9. С. 189.
44. **Ламанский В. И.** Три мира Азийско-Европейского материка // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 20001. № 1. С. 102.
45. Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия III. СПб., 1908. Заседание 30 мая 1908 г. С. 1427–1428. К сожалению, П. П. Семёнов-Тян-Шанский не смог закончить свою речь, ему сделалось плохо, и заседание было прервано.
46. **Савицкий П. Н.** Континент Евразия. М., 1997. С. 297.
47. **Иванов В. Н.** Мы. Культурно-исторические основы русского государственности. Глава десятая. Движение на Восток. Глава одиннадцатая. Движение на Запад // Вестник Московского ун-та. Сер. 18 Социология и политология. 2002. № 2. С. 102–103
48. **Шенк Ф. Б.** Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. № 4. С. 14–15.
49. **Миллер А. И.** Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Политическая наука. 2001. № 4. С. 33.
50. **Bassin M.** Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999. P. 274.
51. **Гефтер М. Я.** Россия в Сибири // Гефтер М. Я. Из тех и этих лет... М., 1991. С. 384.
52. **Милюков П. Н.** Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 488.
53. **Фонвизин Д. И.** Недоросль // Фонвизин Д. И. Избранное. М., 1983. С. 102.
54. **Лотман Ю. М.** В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 173. «Зачем, проклятая страна. Нашёл тебя Ермак...» – Н. А. Некрасов.
55. **Петров М.** Западная Сибирь. Губерния Тобольская и Томская. М., 1908. С. 11.
56. **Михаляк Я.** Прощание у «могильного камня надежды». Уральская граница в воспоминаниях поляков, сосланных в Сибирь // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 109.
57. **Кеннан Д.** Сибирь и ссылка. СПб., 1999. Т. 1. С. 110.
58. **Небольсин П. И.** Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 50.
59. Бежавший в Сибирь крепостной крестьянин Семён Пудеров писал в 1826 г. своим родственникам в Центральную Россию: «И в Сибири также солнце светит и здесь народ живёт, но гораздо лучше вашего, потому что здесь нет кровопийц и тиранов господ». – **Зиновьев В. П.** «И в Сибири также солнце светит и здесь народ живёт...» (Бытовые письма как источник по социальной истории Сибири) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 2000. С. 94. См. также: «Воля только здесь...» // Иртышский вертоград. М., 1998. С. 204–212.
60. **Леруа-Болье П.** Колонизация у новейших народов. СПб., 1877. С. 512.
61. Дух журналов. 1819. Ч. XXXII. Кн. 3. С. 28
62. **РГИА. Ф. 1265.** Оп. 1. Д. 132. Л. 8.
63. Там же Л. 76.
64. **РГИА. Ф. 851.** Оп. 1. Д. 11. Л. 155.
65. Цит. по: **Кэмпбелл Е. И.** «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М. 2001. С. 206.
66. **Сверкунова Н. В.** Об особенностях культурного развития Сибири // Регионоведение. 1996. № 1. С. 208.
67. В конце XIX – начале XX века в правительственных кругах рассматривался вопрос о ликвидации генерал-губернаторства и в Восточной Сибири. Впрочем, существовало и другое мнение, исходившее из представления о преждевременности упразднения генерал-губернаторской власти в Сибири и восстановлении её на всём сибирском пространстве. См.: **Ремнев А. В.** Самодержавие и Сибирь. Административная политика во второй половине XIX – начале XX в. Омск, 1997. С. 195–204.
68. К слухам о наместничестве // Сибирские вопросы. 1908. № 41/42. С. 47–53.
69. **Крыжановский С. Е.** Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 122–123. А. И. Гучков рассказывал историку Н. А. Базили, что, не зная, «как отделаться» от П. А. Столыпина, планировали образовать наместничество в Сибири. Вопросы истории. 1991. № 12. С. 167.
70. Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 49, 145–146.